

ФИЛОСОФСКИЙ ДИСКУРС: СЕМАНТИКА И ТИПОЛОГИЯ*

1. Специфика философского дискурса

В процессе преподавания философии неизбежно возникает проблема предметного самоопределения, учащимся необходимо объяснить, в чём специфика философии как гуманитарной дисциплины. Однако сделать это отнюдь не просто, так как определений философии почти столько же сколько философов. Мы пойдём не по пути определений, а по пути семиотической характеристики, стремясь к исчерпывающей классификации возможных типов философского дискурса. Семиотика, как общая теория знаков и знаковых систем, может внести в метафилософскую рефлексию столь недостающий элемент позитивности.

Исходной идеей нашего исследования выступает идея существования границ у человеческого разума и понимания. Эти границы обусловлены антропологическими, культурными и социальными причинами. Философия стремится как-то компенсировать конечность человека, осуществить её «снятие», выражаясь гегелевским языком. Мы рассматриваем в качестве *основной* функции философии *функцию сжатия* основополагающей для данной культуры информации, позволяющую достичь систематизации последней в доступном для человеческого понимания виде. Получаемые в результате подобного сжатия категории, являются *индивидуально-всеобщими* понятиями, их универсальность исходит из наличной человеческой индивидуальности и соразмерна ей. Этим категории философии отличаются от категорий науки, служащих для *коллективного* сжатия наличного опыта (соответственно, с меньшим радиусом его охвата). Для философского «сжатия» используются рефлексивные процедуры, опирающиеся на сложные знаковые системы, которые превышают не только одноуровневую семиотику предметного языка, но и двухуровневые семиотики науки, литературы и прочих форм культуры.

Системы *второго* уровня уже достаточно изучены, в семиотике культуры они рассматриваются в качестве «вторичных моделирующих (= знаковых, = семиотических) систем». Например, литературный дискурс традиционно (в семиологии и структурализме) моделируется в качестве *коннотации*, а теоретической уровень науки моделируется как *метаязык* (в ряде направлений аналитической философии). Приведём схемы Р. Барта для выделенных «сложных семиотик» (Л. Ельмслёв):

А – коннотация

O ₂		X ₂
O ₁	X ₁	

Б - метаязык

X ₂	O ₂	
	O ₁	X ₁

O – означающее, X – означаемое; 1 – первичный язык, 2 – вторичный язык.

Коннотация – это такой двойной знак, означающее которого (– O₂) само является знаком (единством означающего – O₁ и означаемого – X₁). Модель коннотации (сх. А) может использоваться для описания структурных особенностей мифа, идеологии и символа (за исключением искусственной символики, в отношении которой см. метаязыковую семиотическую модель – сх. Б). Коннотация не порождает принципиально новых означающих (используются знаки исходного языка и их сочетания), но порождает новые означаемые (X₂), т.е. новые смыслы. Означающие же (O₂) отличаются от первичных, естественных языковых знаков (O₁) тем, что выступают в качестве «коннотаторов» (новых целостных словосочетаний). Последние образуют область риторики. «Риторика есть означающая сторона идеологии, а идеология – означаемая сторона риторики» (Р.Барт). Коннотация может использоваться для построения некоторого воображаемого мира, если смыслы X₂ гипостазированы (как то и происходит в литературе). Главной целью коннотативных семиотик является то или иное влияние на адресата (слушателя, читателя), коннотация определяется не столько предметом коммуникации, сколько воздействием на *получателя* сообщения. Коннотация характерна для литературного дискурса.

Б. Метаязык, т.е. язык описания некоторого иного языка, включает такие двойные знаки, означаемые которых (X₂) сами являются знаками (единством означающего – O₁ и означаемого – X₁). Метаязык является семиотическим основанием всякой рефлексии. После метаязыкового описания, символическая реальность культуры становится более упорядоченной чем до этого, рефлексия структурирует и упрощает исходный объект. Метаязык не порождает новые смыслы, новые означаемые, он содержит новые означающие (O₂) – искусственные термины, необходимые для описания исходного языка (См. схема Б). Метаязыковая функция связана с указанием на код, на способ кодирования первичных сообщений (Р.Якобсон). Метаязык – это работа с кодом.

* Данное исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект РФФИ №99-06-80317)

Культуру можно представить, с семиотической точки зрения, как совокупность вторичных семиотик. Многие вторичные семиотические системы (такие как наука, религиозные учения и др.) строятся на основе естественного языка, на основе его перекодирования. А последнее невозможно без метаязыка, поэтому метаязыки выступают необходимым для порождения духовной культуры (как в аспекте синхронии, так и в аспекте диахронии) элементом. Метаязыковые семиотики характерны для всех форм культуры, которые содержат *рефлексию*, иными словами, – рефлексивные феномены хорошо описываются согласно модели метаязыка. Метаязыковые знаки так же не имеют объектов обозначения в реальном мире («денотатов», «референтов»), как и коннотации литературы, мифа, идеологии и других областей культуры, в задачу которых входит порождение «вымышленных миров». В этом метаязык не отличается от коннотации. Его основная функция – описание иного *языка* («языка-объекта»). Метаязыки образуют важную часть всякой теоретической науки, а именно – язык самой теории, для которой языком-объектом будет язык эмпирических констатаций («протокольных высказываний»).

Представляется, что философия включает более высокий уровень рефлексии чем наука и/или более отдалённые коннотации чем литература. (Например, риторика по отношению к философии выступает в качестве языка-объекта, а по отношению к литературе – в качестве метаязыка.) А если так, то вторичных моделирующих систем для описания философии недостаточно, необходимо перейти на *третий* уровень знакового моделирования. Семиотическое моделирование философии приводит к *третичным знаковым системам*, философия оказывается знаковой системой уже не второго, а *третьего* уровня. *Философский дискурс не моделируется (с достаточной полнотой и адекватностью) ни в качестве коннотативной семиотики (как моделируется литература и некоторые другие дискурсы), ни в качестве метаязыковой семиотики (как моделируется наука и некоторые другие дискурсы). Вторичные семиотические модели философии если и допустимы, то допустимы лишь в достаточно узких (не выявляющих специфику самой философии) пределах.*

Число понимаемых человеком семиотических уровней (определяемое *антропологически*) имеет решающее значение для нашего исследования, основная гипотеза которого состоит в том, что человек может с пониманием интерпретировать знаковые системы не превышающие *третий* уровень. Например, высказывание: «*я знаю, что знаю, что ничего не знаю*» (= «*я знаю, что я знаю, что я ничего не знаю*»), никем из людей утверждаться не может, ввиду того, что человеческий интеллект ограничен третьим уровнем знаковости или, что то же самое, *вторым уровнем рефлексивности* (два «я» – рефлексия первого уровня). Даже Сократ говорил лишь: «*Я знаю, что (я) ничего не знаю*». Осмысленно утверждать человек способен только «двойственное», но не «тройственное» Я. Человек может раздвоиться, но не «разтроиться» (даже слова такого нет).

Когда мы рассматриваем философию в качестве описания, означаемой стороной данного описания оказываются категории как логики, так и грамматики. Это свидетельствует в пользу того, чтобы рассматривать философию не просто в качестве метаязыка, а в качестве метаязыка метаязыка, т.е. описываемая философией знаковая система уже должна быть метаязыком или коннотацией. Язык философии всегда находится в опосредованном отношении к естественному языку. А поскольку естественный язык становится собственным метаязыком прежде всего в грамматическом и/или логическом аспектах, постольку категориальное выражение именно данных аспектов становится объектом философской, теперь уже *вторичной* рефлексии (по отношению к естественному языку), объектом *метаметаязыкового* описания и упорядочивания. Поэтому, по своим функциям, философское высказывание металингвистично и/или металогично.

Всякая деятельность над культурным символизмом, будь то его описание, анализ, критика, или что-либо иное будет *метасимволической* деятельностью, независимо от того, в духе какой традиции мы понимаем символ. Подобная деятельность характеризует именно философию в её отношении к культуре, т.е. – *философия есть метадискурс, предназначенный для описания и анализа символического*. Чтобы построить схемы всех возможных метасимволов и смоделировать все возможные виды философского метадискурса, необходимо дополнить модели вторичных семиотик (обычный символизм), следующим, – *третьим* уровнем знаковости.

Как наше моделирование философии соотносится с феноменологией? Четырём случаям метарефлексии и гиперконнотации соответствует тот уровень сознания, который достигается в результате *трансцендентальной* редукции. Э.Гуссерль считает возможным рассматривать в качестве философии «теоретико-созерцательную установку сознания» в целом, в результате – философия и зарождающиеся теоретические науки оказываются отнесёнными к одной и той же форме сознания. Конечно, мы не имеем оснований для жёсткого отделения второго рефлексивного уровня ранних греческих философов (вплоть до Сократа) в *самостоятельную* форму. Однако это ещё не свидетельствует об отсутствии внутренних различий внутри самой «теоретической установки сознания», включающей различные уровни. Если мы не будем учитывать наличие различных уровней семиозиса в мышлении философов, то всеобщность философии представится нам коллективно-научной, а индивидуально-всеобщий характер философской деятельности исчезнет. По-видимому, не всякая теория может рассматриваться в качестве науки.

Системы *второго* уровня связаны с рефлексией и коннотацией (2 случая), системы *третьего* – с рефлексией рефлексии (рефлексия второго уровня, или метарефлексия) и с рефлексией коннотации, а также – с коннотацией коннотации (гиперконнотация) и с коннотацией рефлексии (4 случая). Четыре модели третичных систем предоставляют уникальную возможность для *классификации* философских учений. Разработка данной классификации одна из наиболее сложных задач. Её решение имеет большое значение как для историко-философских исследований, так и для всякого систематического изложения философии в учебном процессе.

2. Трехуровневая семантика

А теперь перейдём к семиотикам третьего уровня. Возможны четыре и только четыре модели третьего уровня: (1) мета-метаязык, (2) метаязык коннотации, (3) коннотация метаязыка и (4) коннотация коннотации. Их легко изобразить графически, если добавить к схемам Р. Барта третий знаковый уровень:

Третичные метаязыковые семиотики:

(1) – метаязык метаязыка

X ₃		O ₃
X ₂	O ₂	
O ₁	X ₁	

(2) – метаязык коннотации

X ₃		O ₃
O ₂	X ₂	
O ₁	X ₁	

Третичные коннотативные семиотики:

(3) – коннотация языка

O ₃		X ₃
X ₂	O ₂	
O ₁	X ₁	

(4) – коннотация коннотации

O ₃		X ₃
O ₂	X ₂	
O ₁	X ₁	

Необходимо помнить о том, что всякое моделирование включает в себя и *субъективный аспект*. Так прочтение одного и того же текста может опираться на разные принципы моделирования. Очень часто читатель философского текста моделирует знаковые структуры (1) и (2) как простой метаязык и воспринимает философию в качестве науки, либо прочитывает тексты со знаковыми структурами (3) и (4) в качестве литературы (модель простой коннотации). Например, коннотацию коннотации весьма сложно отличить от простой коннотации, ибо она таковой и является по своей поверхностной форме.

А теперь, попытаемся приложить третичное знаковое моделирование к философскому тексту. Третичные знаковые системы могут легко создавать иллюзию вторичных. Так, третичные *коннотативные* семиотики могут быть истолкованы как простая коннотация. В этом случае философия читается по схеме нарратива как литература, миф и т.д. Действительно, схемы (2), (3) и (4) включают в себя коннотацию и при поверхностном восприятии соответствующие разновидности дискурса могут быть истолкованы как литература (можно сказать, что эти три формы философии в той или иной мере содержат «литературу»). Третичные же *метаязыковые* семиотики могут путаться с простым метаязыком, с простой рефлексией. В этом случае, философия читается как формальный дискурс, как логика, научная теория и т.п. Действительно, схемы (1), (2) и (3) включают в себя рефлексии и при поверхностном восприятии соответствующие разновидности дискурса могут быть истолкованы как наука (можно сказать, что эти три формы философии в той или иной мере содержат «науку»). Всё определяет наша точка зрения, наш способ обращения с соответствующим дискурсом. Если мы способны удерживать все три рефлексивных уровня, то имеем философию, если же соскальзываем на двухуровневое моделирование – «литературу», или «науку».

Возможно ли обратное, т.е. восприятие литературы и/или науки в качестве философии? Возможно, если читатель *домысливает* отсутствующий у автора данного текста семиотический уровень, т.е. порождает более сложный, чем у автора, текст. Тем самым, семиотическое моделирование осуществляется не только создателем текста, но и его интерпретатором (читателем, слушателем). Философский текст возникает уже не на основе первичного (т.е. *естественного*) языка, поэтому можно сказать, что последний не является языком философии), а на основе вторичного, уже смоделированного в некоторый *дискурс* языка.

Четвёртый уровень знаковости оказывается за границами человеческого понимания – *рефлексия рефлексии рефлексии человеку недоступна*. Поэтому никакая история философии не может превышать третий уровень знаковости, и «потолком» для истории философии всегда будет философия, т.е. история философии как философия. История философии исчерпывается третичными коннотативными системами, предельными для человеческого понимания и, в лучшем случае, принадлежит философии. В том случае, когда история философии есть *философская* модель, т.е. сама выступает в качестве некоей философии, создаваемой на основе философии описываемой. Однако существуют и нефилософские формы истории философии, порождаемые редукцией одного из уровней описываемой философии, без какого-либо его замещения, – интерпретации философии в качестве науки, литературы и т.д. Даже в случае сохранения числа уровней, задача истории философии лишь в производстве *модели* описываемой философии, кото-

рая «лучше» описываемой философии в том отношении, что легче помещается в классификации и периодизации исторического повествования.

Семиотическая конечность разума объясняет и бескомпромиссность философского диалога. Абсолютно аутентичное понимание одним философом другого философа невозможно потому, что требует выхода на четвёртый уровень знаковости, закрытый для человеческого понимания. Диалогическое разногласие, противоречие философских позиций будет продолжаться пока существует философия. Невозможность систематического и осмысленного выхода на четвёртый уровень знаковости обостряет проблему интерсубъективности философии, поскольку исключает возможность использования метаязыка для налаживания философской коммуникации, для нахождения философами общего языка. Конфликтующие философские позиции поэтому не имеют и не могут иметь *внешних* рациональных критериев для собственного примирения. Философия обречена на то, что «скандал в философии» никогда не закончится.

3. Типы философского дискурса

Если наша гипотеза об особенностях семантики философского дискурса верна, то мы получаем уникальную возможность объективной классификации всех возможных философских учений по доминирующему в них виду семантики. Объединение двух третичных метаязыковых и двух третичных коннотативных семиотик даёт возможность рассматривать приведённые нами четыре модели как виды принадлежащие двум родам философского дискурса: первый можно условно назвать аналитическим родом философского дискурса, включая в него аналитику и критику (схемы (1) и (2)); второй можно условно назвать спекулятивным родом философского дискурса, включая в него метафизику и аксиологию (схемы (2) и (3)). Обратимся к их характеристике.

Аналитический метадискурс включает метаязык метаязыка и метаязык коннотации. Однако может ли существовать метаязык метаязыка, ведь категории «метаязыка» и «языка объекта» – *соотносительные* понятия? Метаязык не существует без языка объекта, без описываемого языка, в процессе описания которого конституируется он сам. Когда мы говорим: «Метаязык описывает язык-объект», то каков языковой уровень самого нашего высказывания о метаязыке (слова в кавычках), принадлежит ли оно самому метаязыку, о котором сказано, что он «описывает язык-объект»? Представляется, что такие выражения как: «описание языка», «анализ значения», «поиск истины» уже не принадлежат исходному метаязыку, а принадлежат метаязыку следующего уровня, в отличие от самих терминов «язык», «значение» «истина» (выражения первичного метаязыка). Они напоминают естественный язык, однако дальше отстоят от него, чем исходный метаязык.

Утверждение, что метаязыки формулируются и описываются естественным языком – иллюзия. Эта иллюзия порождается тем, что правила мета-метаязыка не удаётся выразить. Трансцендентальная семантика, ввиду ограниченности человеческого интеллекта рефлексией второго порядка в *естественном* языке невыразима. Как говорил Л. Витгенштейн, – «мы не можем выразить посредством языка то, что само выражается в языке». Если бы данные правила было бы возможно сформулировать средствами самого естественного языка, то философия (по крайней мере в том виде в котором она до сих пор существовала) была бы совершенно излишней языковой деятельностью, излишней формой речи. Во-вторых, сложно указать *знаковые* основания мета-метаязыка, здесь не помогает даже категория «символа» и требуется понятие нового – *метасимволического* уровня. Наконец, к какому языковому уровню следует отнести такие важные понятия как: *автореференция, рефлексия, метаязык, язык-объект?* А ведь с данными понятиями связано существование таких (квази)объектов, как человеческое «сознание», «индивидуальность» и ряда других. Например, для возникновения человеческой индивидуальности необходимо наличие автореференции, ибо даже радость человеческого *самосознания* (т.е. сознания о сознании) рождена из её абсурда: «я – это я». Простая автореференция может даже заключать в себе *двойную* рефлексию: «я знаю, что знаю».

Спекулятивный метадискурс. Тезис коннотирует антитезис, который коннотирует его самого, – такова форма развёртывания философской спекуляции, открытая Гегелем. Возможны две формы гиперконнотации, в зависимости от характера тезиса: 1) коннотация метаязыка или «метафизика», в которой используются такие концепты, как «бытие сущего», «ничто ничтит», «различие различает», «тождество есть тождество и различия» и т.п.; 2) коннотация коннотации или «аксиология», в которой используются такие концепты, как «истинность истины», «добродетель как тождество невинности и порока», «свобода есть свобода от рабства» и т.п. Герменевтика и деконструкция являются наиболее известными формами спекулятивного дискурса в современной философии. В герменевтике более ярко выражен аксиологический аспект («традиция», «понимание», «диалог» и т.д.), в деконструкции – метафизический («Археписьмо», «Различие», «Складка» и т.д.).

Спекулятивный дискурс включает категорию *времени*, отличаясь этим от аналитических форм дискурсивности, основанных на классической логике. Достаточно вспомнить гегелевскую триаду: тезис – антитезис – синтез. Временное развёртывание спекулятивного дискурса порождает представление о его *историзме*, о его большей пригодности в области исторического и гуманитарного познания, чем в об-

ласти естественных наук. Например, категория истолкования в герменевтике характеризуется прежде всего тем, что следствие (консеквент) предшествует основанию (антецеденту) во временной последовательности дискурса. Толкование всегда *телеологично*, и этим существенно отличается от научного объяснения. Соответственно и понимание, достигаемое толкованием, – иной тип понимания, чем в случае объяснения.

Коннотация даёт некоторое глубинное символическое понимание, «познание сущности», которое отличается от позитивного научного знания. Спекулятивная философия оказывается *пониманием* без (позитивного) знания, выражаемом символически и предшествующим научному знанию, служащим порождению знака в символе. Спекулятивная философия служит созданию таких идеальных объектов, как “Я”, “Сознание”, “Мир”, “Истина” и проч., так же сильно влияющих на сознание современного культурного человека, как сновидения и грозные явления природы влияли на сознание дикаря.

Коннотативные формы философии не являются коннотацией в обычном смысле, метадискурс коннотативного типа образуется из *гиперконнотаций* (коннотаций коннотаций). Этим философия отличается от мифа, литературы, психоанализа и др. символических форм простой коннотации. Поэтому критика Пятигорского (См. Гл.3, §3.) имеет основания, так как философия имеет дело с *уже* объективированными в культуре смыслами и для неё реальный генезис данных смыслов безразличен. Третичные семиотики коннотативного типа диктуют ценностные предпочтения в области вторичных семиотик.

Один из важнейших механизмов трансцендентальных семантик спекулятивного типа – это механизм гипостазирования функционирующих в культуре метаязыковых и коннотативных категорий. Гипостазирование лежит как в основании всех метафизик, так и аксиологий. Ущербная, с формально-логической точки зрения, операция проявляется в высшей интеллектуальной деятельности человека, что ещё раз свидетельствует о его конечности. «Hypostasis» значит – ипостась, основание, сущность. До тринитарных споров четвёртого века н.э. данное слово использовалось как синоним аристотелевской первой сущности, сущности-подлежащего. Ранние стоики говорили о гипостазировании как процессе объективации бескачественной материи, современное же значение термина «гипостазирование» указывает на процесс опредмечивания, наделения бытием (отнесение к «Бытию») некоторого абстрактного понятия.

Аналитические виды философского дискурса

1. *«Аналитика»*. Первой модели – *метаязык метаязыка* – весьма полно отвечает аналитический стиль философствования. Это такая философия, которая не только говорит о науке и научности, но и на деле им соответствует, как в отношении предмета, так и в отношении методологии. Идеалом соответствующего философского дискурса будет объективное аналитическое описание, ничего от себя не добавляющее в предмет описания. Весьма подходящим именем для подобного философского дискурса будет *аналитика*. Данное имя вызывает подходящие ассоциации с аристотелевскими и кантовскими «аналитиками», а также с современной аналитической философией. Чисто аналитический дискурс элиминирует все абстрактные философские объекты типа «сущности», «субстанции» и т.д., поэтому он мало пригоден для истории философии, ибо большая часть философии этими сущностями переполнена. С точки зрения всякой подлинной «аналитики», априорное может мыслиться лишь в качестве бессодержательного («бессмысленного»), в качестве того, что тождественно формальным правилам метаязыка, ибо чистая «аналитика» – это метаязык метаязыка.

2. *«Критика»*. Второй модели – *метаязык коннотации* – соответствует критическая философия. Критическая философия предметно ориентируется не столько на науку, сколько на такие явления культуры как миф, литература, искусство, идеология, мораль и т.д. От науки она сохраняет главным образом метод исследования, перенося его на новые области. Критическая философия, также как и аналитика, весьма объективна и научна. Подходящим именем для данного вида философского дискурса будет *критика*. Это имя вызывает воспоминания о Сократе, Канте, а также о критике языка, метафизики и идеологии в современной философии. В «критике» категория априорного уже содержательна, ибо критика строится как метаязык *коннотации*. По признаку наличия содержательного а priori критику всегда можно отличить от «аналитики». В то же время, будучи *метаязыком* коннотации, критика исключает какую-либо возможность онтологии метафизического типа. По признаку отрицания и/или отсутствия онтологии критику всегда можно отличить от «метафизики», которую мы рассмотрим следующей. Мы приходим к выводу, что критическое а priori следует искать между формальной семантикой «аналитики» и онтологией «метафизики».

Спекулятивные виды философского дискурса

3. *«Метафизика»*. Третьей модели – *коннотация метаязыка* – соответствует большая часть философии, начиная с Нового времени. Данный тип философского дискурса наукой не является, его «научность» оказывается лишь формой, внешней согласованностью (гораздо более совершенной, чем то имеется в любой из наук) и систематичностью. Когда этот тип ориентирован на науку, мы имеем лишь идеологию научности. Принадлежащие к данному типу философы достаточно много размышляют о Науке, гораздо больше и систематичней любого учёного. Они говорят о том, что философия наиболее фундаментальная дисциплина, далеко превосходящая всякую конкретную науку. Последнее сопровождается

утверждением о наличии более глубоких слоёв реальности, чем те которых достигает наука (например, – «душа», «идея», «свобода», «бытие», «различие», «складка» и т.п.). Они также отрицают классическое понимание истины в качестве соответствия наших утверждений действительности. Находя его обыденным, ограниченным и недостаточно глобальным, философы данного типа дискурсивности строят собственные теории Истины. Имя данного вида философского дискурса – **метафизика**.

Та или иная онтология (в нашей терминологии – метафизика) складывается в результате гипостазирования метаязыка, благодаря которому абстрактный метаязыковой дискурс приобретает фигуративность, идеологизируется глубинными коннотациями, а его интенционалы начинают пониматься в качестве экстенционалов, образуя «мир иной», мир «истинный», «объективную реальность» философов. Гипостазирование превращает коннотации культуры в метафизические объекты, принадлежащие философскому «Миру иному». Метафизика строится как коннотация метаязыка, позволяющая его гипостазировать и положить в основание языка-объекта в виде особых онтологических сущностей (обычно связанных с категорией бытия). Метафизика не предмет эмпирического познания, она выходит за рамки познания и знания в область веры (“предрассудков”), или же предполагает особый путь познания и особую «логику». Онтологические допущения о природе “реальности”, составляющие суть всякой метафизики, создают концептуальный каркас для (по)знания, но сами (по)знанием не являются.

4. «Аксиология». Четвёртой моделью – **коннотация коннотации** – будет философия, отличающаяся от критики сознательным полаганием глубинных смыслов, в свете которых оцениваются все явления культуры. в отличие же от метафизики, данные смыслы могут и не гипостазироваться в качестве реальных, имеющих существование предметов, но полагаться в качестве чисто идеальных ценностей, обладающих лишь значимостью. Опираясь на последние происходит (пере)оценка художественных, идеологических и иных символов культуры. Имя данного вида философского дискурса – **аксиология**. Аксиологический дискурс будет нами пониматься не столько как аксиология в традиционном смысле, включающая описание и классификацию ценностей, сколько как **переоценка** ценностей. Аналогично тому, как один из важнейших аспектов аналитического дискурса является философии науки, аксиологический предстаёт перед нами в качестве философии идеологических ценностей. Очевидно, что аксиология, в традиционном значении данного термина, состоит не только из «аксиологического дискурса» в нашем понимании, а включает в себя дискурсивные элементы и аналитического, и критического, и метафизического типов. То, что мы описываем в качестве метасимвола «аксиологии» является лишь идеализацией, моделью наиболее существенных, с нашей точки зрения, семиотических характеристик соответствующего философского раздела.

В качестве примера можно обратиться к знаменитой философской **иронии**, которая невозможна без действия механизмов коннотации, ирония также необходимо предполагает наличие специальных знаков, данные механизмы запускающих. Кроме того, ирония – в высшей степени спекулятивна, ибо действует через коннотацию значения, которое противоположно прямому смыслу слов, которое утверждает себя как его иное. Знаки иронии преобразуют «да» в «нет», а «нет» в «да». Ирония, как педагогический обман, оставляет подвергаемого иронии субъекта в неведении о подлинном, глубинном смысле слов ироника. Жертва иронии не видит третьего знакового уровня (коннотации коннотации), который отрицает первичную оценку (коннотацию), не видит изменение оценки на противоположную. Знаки иронии являются метасимволами, достаточно сложными для обыденного разума. Двойная коннотация иронии действует по схеме двойного отрицания гегелевской диалектики.

Таким образом, всякое философское учение, независимо от его самоопределения, можно классифицировать в качестве: либо аналитики, либо критики, либо метафизики, либо аксиологии. Пятого не дано. Следует лишь помнить, что в реальном философском дискурсе указанные типы могут совмещаться, особенно легко совмещаются те типы, которые одинаковы по своему верхнему (третьему) знаковому уровню.

Ольшанский Д.П.

Уральский государственный университет (Екатеринбург)

СОЦИАЛЬНАЯ И КУЛЬТУРНАЯ ФУНКЦИИ ЯЗЫКА: ЗАДАЧИ ФИЛОСОФСКОЙ СОЦИОЛИНГВИСТИКИ

Язык не представляет собой произвольную систему; он размещается внутри мира и одновременно образует его часть

Мишель Фуко

Сегодня, в условиях, когда процесс формирования информационного общества уже может считаться завершённым, когда общество находится на пути к созданию так называемого «открытого общества», особое значение и место начинает приобретать не столько сама информация, относящаяся к какой-либо